

Последний лепесток Таохуа

桃花
最后一
瓣

Любовь,
которая пережила
время.

Весна,
которая всё-таки
наступила.

ТАША ФОКС

Таша Фокс

Последний лепесток Таохуа

«Литнет»

2026

Фокс Т.

Последний лепесток Таохуа / Т. Фокс — «Литнет», 2026

Они встретились под цветущим персиком — и судьба подарила им один день. А потом отняла всё. Цзи Лун давно привык быть чужим везде: слишком русским для Китая, слишком китайским для России. Он ищет покой в тренировках, древней поэзии и одиночестве, пока случайная встреча в весеннем парке «Синьминь» не меняет его жизнь. Хань Юнь приезжает в Шэньян ради последней просьбы бабушки: «Просто посмотри на него». Она не знает, кто этот парень. Не знает, почему бабушка столько лет хранила его имя. И уж точно не знает, что одна встреча способна изменить её собственную жизнь. Между Цзи и Хань возникает чувство, которому не дают шанса чужая воля, семейные тайны и прошлое, о котором они оба знают слишком мало. Им останутся письма, годы молчания и маленький лепесток таохуа — единственное напоминание о том, что когда-то они нашли друг друга. Но если любовь однажды стала частью твоей жизни, можно ли действительно оставить её в прошлом? «Последний лепесток Таохуа» — история о любви, которую разделили время и чужие решения. ЛАЙК и добавление в БИБЛИОТЕКУ очень мотивируют автора писать быстрее ❤️#И, конечно, ваша активность делает МУЗА ещё более вдохновлённым и продуктивным ☺️#Для вас это всего минута, а для меня — очень важный знак, что история вам правда интересна. Всех обнимаю

© Фокс Т., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

От автора	5
Пролог. Тот самый апрель	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

От автора

Добро пожаловать в мир «Последнего лепестка Таохуа» ##

Прежде чем история начнётся, я хочу познакомить вас с героями чуть ближе.

Именно такими я вижу их, когда пишу эту книгу: их взгляды, привычки, улыбки, молчание и ту боль, которую они стараются не показывать.

Надеюсь, теперь, открывая главы, вы сможете ещё ярче представить их рядом с собой.

Цзи Лун

Высокий парень с тёмными волосами и серо-голубыми глазами, в которых всегда будто прячется лёгкая грусть. В его внешности смешались две культуры — русская и китайская, и именно из-за этого он всю жизнь чувствовал себя чужим.

Цзи Лун редко улыбается открыто. Он спокойный, собранный и молчаливый, любит тренировки, старые китайские стихи и весенние прогулки по парку Синьминь. Но рядом с близкими становится неожиданно мягким и заботливым.

Тот самый человек, который будет любить тихо — но до конца.

Хань Юнь

Хрупкая девушка с длинными чёрными волосами и тёплыми глазами, в которых скрыто больше силы, чем кажется на первый взгляд.

Она выросла в богатой семье, где за неё давно всё решили. Хань Юнь умеет быть спокойной и вежливой даже тогда, когда ей страшно. Но внутри неё живёт желание самой выбрать свою судьбу.

Рядом с Цзи Луном она впервые начинает чувствовать себя не «идеальной дочерью», а просто живым человеком.

Ян Мин

Лучшая подруга Хань Юнь.

Невысокая, энергичная, с яркой улыбкой и вечным ощущением, будто она знает все новости раньше остальных. Ян Мин обожает красивые платья, острые шутки и постоянно вмешивается туда, куда её не просили.

Но именно такие люди чаще всего спасают нас в самые тёмные моменты.

Вей Сяо

Друг Цзи Луна и ходячая катастрофа.

С виду — лёгкий, ироничный и беззаботный парень, который способен шутить даже во время проблем. Но за этим скрывается очень преданный человек, готовый пойти за друзьями до конца.

А ещё именно он чаще всех оказывается втянут в неприятности.

Отец Хань Юнь

Влиятельный гонконгский бизнесмен, привыкший контролировать всё вокруг.

Холодный взгляд, дорогие костюмы, идеальные манеры — и абсолютная уверенность в том, что чувства мешают людям принимать правильные решения.

Он действительно любит свою дочь. Просто понимает любовь совсем иначе.

Мать Цзи Луна (Мей Лин)

Тихая и очень тёплая женщина.

Она редко вмешивается в чужие решения, но всегда замечает боль раньше остальных. Именно рядом с ней Цзи Лун чувствует себя дома, даже когда весь мир кажется чужим.

Спасибо, что знакомитесь с этой историей ##

Теперь — можно начинать путешествие вместе с героями.

Писательство иногда похоже на дзюдо: борешься с собой, с ленью, с сомнениями. А ваш лайк или комментарий — как тёплый зал, где тебя ждут и не дают сдаться.

Пролог. Тот самый апрель

В Шэньяне персик цветёт всего неделю. От силы десять дней — если весна не начнёт капризничать и не собьёт лепестки дождём раньше срока. С конца марта до середины апреля город задыхается в розово-белом облаке. Воздух становится густым, сладким, почти липким — его хочется пить, но он не утоляет жажду, а только разжигает её. Даже вечно спешащие тётушки с тележками из супермаркета замедляют шаг, запрокидывают головы, и на их морщинистых лицах на секунду проступает что-то девичье, забытое. Уличные торговцы выкатывают лотки с мороженым — бледно-розовым, со вкусом персика, свежим и чуть терпким, таким, от которого холодит нёбо и хочется закрыть глаза. В переходах метро ставят пластиковые ветки в кадках, а соцсети наполняются одинаковыми фотографиями: лицо вполоборота, лепестки на ладони, подпись «весна пришла». Никто не пишет, что весна — это ещё и время, когда старые раны начинают ныть.

Говорят, если встретить кого-то под цветущим персиком, это судьба.

Цзи Лун не верил в это.

Не потому что был циником. Просто слишком много раз он впускал людей в сердце, а они видели в нём лишь кошелёк или забавного «метиса» с миндалевидными глазами. Он вырос на красивой легенде о родителях: отец-дипломат Александр увидел мать Мей Лун на культурном форуме, потерял голову, через три месяца сделал ей предложение под тем самым персиком в парке «Синьминь». Цзи знал эту историю наизусть — как стихотворение, которое в детстве заставляли учить наизусть, вдалбливая каждое слово. И, как всякий ребёнок великой любви, он ждал от жизни такого же чуда: вспышки, судьбы, неловкого, но искреннего признания под ветвями в розовой пыли. Реальность подсовывала другое.

Он прожил в Шэньяне тринадцать лет, но ни разу не назвал это место домом. Дом был там, где его принимали целиком, а не по частям. Такого места он не нашёл.

Он родился в Шэньяне, но детство прошло в России. В Китай семья вернулась, когда ему исполнилось тринадцать — возраст, когда мальчики уже знают, кто они, но его знание рассыпалось при пересадке. В три года мать забрала его в Москву, потом был Петербург. Цзи помнил не столько лица, сколько ощущения: серые панельные дома, от которых веяло тоской; запах каш и мокрого снега, въедающийся в одежду; воспитательниц в белых халатах, которые мучительно выговаривали «Цзи Лун», сдавались и называли его «Джи». Коротко. Отрывисто. Как кличку.

Он тогда не понимал, что это имя будет преследовать его годами. «Джи, не бегай. Джи, кушай. Джи, а почему у тебя глаза такие узкие?» — спрашивали дети в саду, и он не знал, что ответить. Он просто родился таким. Потом в школе этот вопрос звучал снова и снова, и каждый раз внутри что-то сжималось — маленькое, острое, как заноза.

Однажды, в семь лет, он спросил у матери:

— Мам, я китаец или русский?

Мей Лун замолчала. Секунда, другая, третья. Тишина в комнате стала плотной, как кисель. Потом она ответила — слишком ровно, слишком спокойно, будто заранее отрепетировала:

— В первую очередь ты человек, сынок. А люди не делятся на страны.

Он не понял тогда. Но запомнил её лицо — растерянное и виноватое, будто она сама не знала, куда его вписать. Как будто держала в руках пазл, у которого не хватало нужной детали.

В школе в Петербурге его дразнили «китайцем». Хотя он говорил по-русски без акцента, знал наизусть всех «Иванушек» и никогда не приносил в столовую палочки. Когда семья вернулась в Китай — отца отправили в Шэньян, — одноклассники перестроились на лету и стали дразнить «русским». Он путался в палочках за обедом, и девочки хихикали. Он вставлял

русские слова в китайскую речь — и мальчишки кривились. Одна девочка из параллельного класса, с острым подбородком и колючими глазами, сказала при всех:

— Ты говоришь как турист. И пахнет от тебя чужим. Ты янгуйзы, Цзи. Тебе здесь не место.

Он сжал челюсть так, что заныли зубы, и молча прошёл мимо. Плечи окаменели, спина вытянулась в струну. Никто не должен был видеть, как эти слова вошли под рёбра. В туалете, закрыв дверь на щеколду, он подошёл к зеркалу. Посмотрел на своё лицо — узкие глаза, чёрные волосы, скулы шире, чем у русских одноклассников, но и не такие плоские, как у чистокровных китайцев. Провёл ладонью по щеке, будто пробуя кожу на ощупь. Ему казалось, что он сам от себя пахнет чужим — каким-то неуловимым запахом вечного транзита, пересадок, нестыковок.

«Я не чужой», — прошептал он своему отражению. Голос прозвучал неубедительно. Отражение ничего не ответило.

Мать — бывшая студентка Ляонинского университета — работала в библиотеке. Она перебирала пыльные книги, за которыми никто не приходил, и ставила на полки тома, которых никто не брал. По вечерам она доставала две чашки — тонкий фарфор с синими драконами — и наливала чай: себе и пустому месту напротив.

— Я жду твоего отца, Цзи, — говорила она, когда сын входил на кухню и видел эту картину.

Он не спрашивал больше никогда. Просто садился молча, брал свою чашку и пил пуэр — горьковатый, с землистым привкусом. Смотрел на мать, на её тонкие пальцы, обхватывающие фарфор, на её лицо, которое при свете лампы казалось моложе, но печальнее. И не понимал, как красивая история любви — та самая, под персиком, — превратилась в пустое место напротив и две чашки чая.

Отец, Александр Стрижов, появлялся в Шэньяне раз в полгода. С коробкой конфет — всегда одних и тех же, в золотой обёртке, — и ощущением праздника, которое таяло быстрее шоколада на языке. Оставались фантики и неловкое молчание. Его присутствие всегда было чужим — даже в их собственной квартире, даже когда он сидел на диване, который купила мать, и смотрел телевизор, который настраивал Цзи.

— Сын, как дела? — хлопал по плечу. Ладонь была сухой, твёрдой, как доска.

— Нормально.

— У тебя всё хорошо? Дзюдо не бросил?

— Всё хорошо. Учусь. Занимаюсь.

Цзи не смотрел на него. Смотрел в стену, в пол, в окно — куда угодно, только не в глаза отцу. Потому что боялся увидеть в них отражение своего собственного вопроса: «Ты меня вообще любишь?» — и не найти ответа.

Вопросы отца были пустыми, формальными, как бланки, которые заполняют на таможне. Горечь от них застревала в горле — острая, как рыбья кость, — но Цзи не показывал. Он научился держать лицо ровно. В душе ещё тлела надежда, та самая дурацкая, детская надежда, что однажды отец останется. Бросит эту работу с вечными командировками. Будет жить с ними. Как раньше — хотя Цзи уже смутно помнил то «раньше», оно рассыпалось на отдельные картинки без звука.

Они замолкали. И в этом молчании пролегли тысячи километров и два языка, на которых они так и не научились говорить по душам. Цзи хотел крикнуть: «Пап!» — и сказать что-то важное, то, что держал в груди годами. Но слова рассыпались, не долетев до языка.

Однажды, когда отца не было, он открыл старый альбом, который мать прятала в ящик комода. Молодой Александр — без седины, без мешков под глазами, с лёгкой улыбкой — обнимал Мей Лун. Они стояли под персиком. Те же ветки, тот же парк «Синьминь». Отец смеялся. Цзи смотрел на это лицо и не узнавал. Провёл пальцем по фотографии, будто пытался

нащупать тепло. «Что с тобой случилось, пап?» — прошептал он тихо, чтобы никто не услышал. Ответа не было.

Его попытки любить тоже выходили кривыми — как швы, наложенные нетвёрдой рукой. На третьем курсе была Линь. Красивая, с татуировкой дракона на лодыжке и сумкой дорожке его годовой стипендии. Она целовала его на задней парте украдкой, когда преподаватель отворачивался к доске. А потом попросила помочь с переводом документов для визы в Канаду. Он перевёл — аккуратно, скрупулёзно, выверяя каждое слово. Линь улетела в Торонто и через месяц перестала отвечать на сообщения. В её статусе появился канадец с голубыми глазами и подпись «Новая жизнь. Новая любовь». Цзи ничего не сказал. Просто заварил пуэр, сел на подоконник и дочитал танских поэтов до конца. Челюсть была сжата так, что заныли зубы, и он никак не мог расслабить её. «Переводчик, — подумал он, переворачивая страницу. — Я был для неё просто переводчиком. Бесплатным приложением к визе».

На четвёртом курсе появилась Света. Русская, смешливая, с веснушками на носу и голосом, который напоминал ему о петербургском детстве. Она преподавала английский в соседней школе. С ней он впервые подумал: вот оно, родное, наконец-то поймёт мою раздвоенную душу. Они бродили по Шэньяну вечерами, она учила его новым русским ругательствам (он и так знал все), он показывал ей лучшие лапшичные, которые не найти в туристических проспектах. Как-то вечером в баре с видом на ночной город она взяла его за руку и сказала: «Цзи, а ты никого не боишься?» — «Боюсь, — признался он, и признание вышло тяжелее, чем он ожидал. — Что останусь один». — «Со мной не останешься». И поцеловала. Цзи поверил. По-настоящему, по-мальчишески, отбросив все свои кирпичи «не впускать». Но однажды, в старом переулке, где фонари горели вполнеакала, Света отстранилась после поцелуя и выдохнула, глядя куда-то в сторону:

— Ты слишком китайский, Жи. Пьёшь этот свой чай по утрам, соблюдаешь традиции... И дети у нас были бы косоглазые. Родители меня не поймут.

Она сказала это без злобы. Почти нежно. Как факт. Как погоду на завтра. От этого стало ещё больнее — потому что её нельзя было возненавидеть, можно было только принять эту правду, которая резала по живому.

Цзи развернулся и ушёл. Не оглядываясь. Шаг был твёрдым, челюсть — каменной, но в груди что-то хрустнуло, будто переломили сухую ветку. Он не пошёл домой. Пошёл в додзё. Потому что на татами не было ни русских, ни китайцев. Только противник, которого надо бросить, не думая о его национальности. Только мат, пот и собственное дыхание. После Светы он дал себе зарок — никаких свиданий. Никаких «можно просто Жи». Однотруппники прозвали его отшельником. Соседи — молодым человеком с грустными глазами. Ему было двадцать три, но чувствовал он себя стариком, который уже всё понял про этот мир.

Дзюдо он полюбил за тишину. В зале не надо было объяснять, кто ты и откуда. Ты просто двигался — падал, вставал, снова падал. Тело умнее языка. Тренер, шифу Чен — бывший сварщик из Харбина с руками, покрытыми шрамами от окалины, — говорил скупой, рублеными фразами: «Цзи, ты не борешься. Ты думаешь. Брось голову в сторону. Руки сами всё сделают». Цзи бросал противников — с глухим стуком о мат, — но бросить голову, бросить эти вечные мысли не мог. В минуты, когда тело работало на пределе, в голове наступала пустота. И это было лучшее, что он знал.

По вечерам он сидел на подоконнике со старым глиняным чайником, который достался ему от деда, читал танских поэтов и переводил их на русский. Для отца. Отправлял переводы по электронной почте. Александр отвечал редко — через раз, через два: «Сын, спасибо. Очень красиво. Приеду в мае, прочитаем обязательно вместе». Они никогда не читали вместе. Май сменялся июнем, отец снова улетал в командировку. Цзи перестал ждать. Но продолжал переводить — в стол, для себя, перечитывая иногда и чувствуя, как строки отзываются где-то под рёбрами.

Мать вздыхала, подавая ужин. Ей было уже за пятьдесят, но она всё ещё хранила былую красоту — тонкие черты лица, прямую спину, плавные движения. Только в глазах поселилась усталость, которую не скрыть никакой косметикой.

— Ты же не хочешь остаться один, сынок. — Она поставила перед ним тарелку с рисом. — Сердце не стоит на месте. Упустишь — потом не догонишь. Я не хочу, чтобы ты повторил судьбу Юнь.

Цзи замер. Палочки застыли у самого рта.

— Кто такая Юнь, мама?

Мей Лун побледнела. Она резко отвернулась к плите и вцепилась в край раковины, будто боялась упасть.

— Никто. Старая подруга. Мы учились вместе.

Больше она не сказала ни слова. Но Цзи запомнил, как дрогнули её пальцы, когда она наливала чай. Как вода пролилась мимо чашки, оставив на столе маленькую лужицу, которую она не сразу вытерла.

И вот в середине апреля, когда за окном распустились первые бутоны и улицы запахли сладкой, чуть приторной надеждой — той самой, что всегда больше всего оборачивается падением, — мать сказала:

— В субботу в парке «Синьминь» фестиваль цветения. Сходи. Подыши.

— Мам, с кем? — хмыкнул Цзи.

— Просто так. Иногда нужно выйти, чтобы тебя вообще могли заметить.

Он хотел спросить: «Это ты про папу?» — но не спросил. Только посмотрел на неё внимательно. Мей Лун улыбнулась — лукаво, по-девчоночьи, как будто на секунду стала моложе на двадцать лет, — и сунула ему в рюкзак термос с горячим чаем.

— Возьми, вечером похолодает.

Цзи Лун вздохнул. Надел чистую рубашку — белую, с длинным рукавом, которую погладила мать, — джинсы, кроссовки. Закинул в рюкзак сборник Ли Бо. Наверное, чтобы не выглядеть праздным зевакой, который пришёл лишь поглазеть на деревья. Хотя внутри, где-то глубоко, он подозревал: стихи ему сегодня не понадобятся. И от этой мысли становилось тревожно.

Ветер, когда он вышел из подъезда, донёс сладкий, чуть терпкий запах цветущего персика. И впервые за долгое время Цзи не хотелось возвращаться домой. Не хотелось забиваться в угол, не хотелось закрываться. Может, потому что весна. А может, просто настало время, когда даже самый уставший человек готов поверить в чудо — в последний раз.

Он шёл к парку «Синьминь» и повторял про себя, как мантру: «Что я теряю? Ничего. А найти могу всё».

Лепестки уже кружились в воздухе, хотя до парка оставалось ещё полквартала. Город дышал весной. И Цзи Лун впервые за много лет почувствовал, как его собственное дыхание сливается с этим ритмом — медленным, обещающим, пугаю

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.